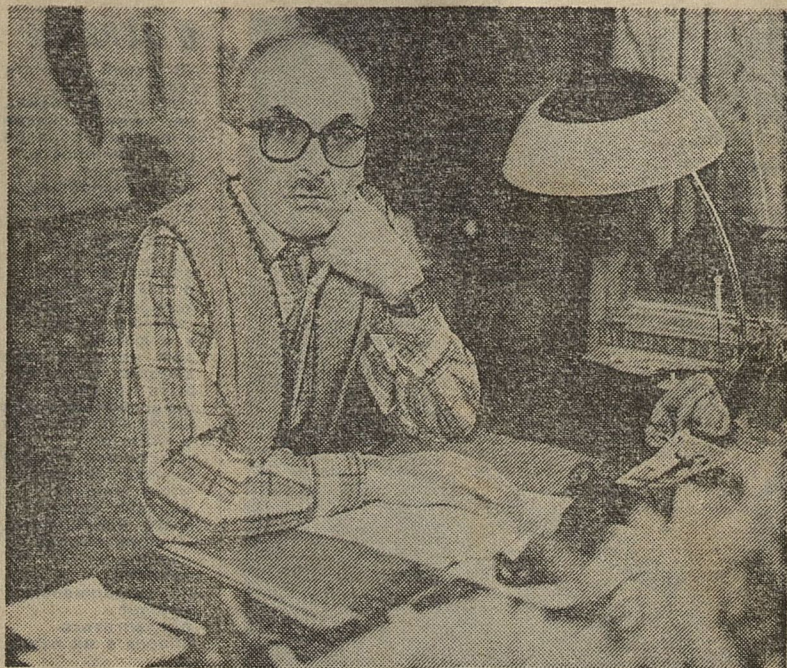

ИВАН ИВАНОВИЧ ОКУДЖАВА

Откровенный
разговор

Медведев — 1991. —
16-22 окт. (№ 57) —
с. 20

Нет-нет, конечно
же, никакой он
не Иван Иванович,
а Булат Шалвович.
Иван Иванович —
это главный герой
его нового романа.

Роман
автобио-
графический.
И начинается
он примерно так:
«Ивану Ивановичу
было уже за
тридцать, когда
его жизнь резко
перевернулась:
дело в том,
что он запел...
...На самом деле
Ивана Ивановича
звали Отар Отарович.
Или как-то там еще.
Но обстоятельства
его жизни
сложившись так,
что он чувствовал
себя Иваном
Ивановичем». Так что
ошибки нет.
А впрочем,
это и неважно.
Главное, что он
— Окуджава.

Снимок
Фотохроники
ТАСС.

— Булат Шалвович, ваше имя связано со вполне определенными реалиями нашей жизни — и общественно-политической, и литературной. Но так получилось, что вы всегда стоите как бы в стороне от политики и всего, что с ней связано. Конечно, человек, следящий за литературной жизнью, может, например, увидеть ваше имя в списке членов писательской организации «Апрель». Но в основном не более того. Что это: сознательный уход от нашей сумасшедшей повседневности или нежелание влезать в то, в чем вы, возможно, не разбираетесь?

— Вы уже сами ответили на свой вопрос. С одной стороны, такая позиция действительно объясняется нежеланием активно участвовать в политике, потому что активное участие помешало бы моей работе (а уж если и участвовать, то только активно, по-другому не имеет смысла). А с другой стороны, я чувствую себя весьма слабым и некомпетентным политиком. Я очень плохо разбираюсь в политике, экономике. Поэтому зачем мне высказывать свои общетеоретические точки зрения, когда они и так сыплются как из рога изобилия? Получится в общем-то еще одна такая же вялая, нечеткая позиция.

Но при этом я всегда четко выражал свою позицию прежде всего для себя самого и всегда занимал то самое место в том самом отряде, который мне был близок. И в меру своих сил всегда старался поспособствовать этому делу и этим идеям.

— То есть можно сказать, что вы стоите на тех же позициях, что и Лев Александрович Аннинский: главное для писателя — это текст, текст и еще раз текст?

— Да, главное — это. Хотя, разумеется, я не живу в башне из слоновой кости. Я читаю газеты и смотрю телевизор. И по-своему реагирую на все это: рожусь, горжусь, восхищаюсь, ненавижу. Высказываю свою точку зрения в кругу друзей. Иногда бывают и какие-то интервью, в которых я эту точку зрения пытаюсь обнародовать, совершенно, впрочем, не чувствуя себя ни мессией, ни специалистом.

— Однако бегут мнение, что у вас взять интервью практически невозможно.

— Так и было примерно в течение года. Плохо себя чувствовал, другие обстоятельства. А теперь — почему нет? Пожалуйста. Только все равно стараюсь поменьше.

— Ваше имя связывают прежде всего с движением авторской (или самодеятельной) песни. Точное название, мне кажется, этому явлению так до сих пор и не найдено. Так вот: не с поэзией или прозой, а именно с песней...

— Я уже как-то говорил об этом... Я думаю, то, что в середине и конце пятидесятых или начале шестидесятых (как хотите) я как-то по-особому прозвучал, связано не с каким-то моим особым дарованием, а с обстоятельствами времени, ситуации в стране. Думаю, если бы я со своими способностями и с тем же характером написанного вышел сегодня, то вряд ли бы кто-то придал этому факту такое значение. А тогда это произвело большое впечатление, потому что было внове, незнакомо, заставило многих удивиться и даже, наверное, поразиться.

— Значит, все-таки вы были первым?

— Я не могу так сказать. До меня был, как говорят, Лермонтов, который пел некоторые свои стихи под гитару. Были Денис Давыдов, Полонский, Вертинский. Это традиция в русской поэзии, не говоря уже о древнерусской. И в наше время до меня были Михаил Анчаров и Юрий Визбор. Мне просто посчастливилось «прощуметь».

— Но «прощуметь» так, что Вадим Егоров даже песню посвятил вам: «Летит наш певчий клин, которому названий нету, и впереди вожак, которого зовут Булатом...».

— Ну, это еще ни о чем не говорит. Просто Вадим Егоров ко мне хорошо относится.

— А вы сами себе хоть раз задавали вопрос: что вам ближе?

— Меня это никогда особенно не интересовало. Ну, в поэзии я больше поднаторел. В прозе чувствую себя до сих пор учеником, хотя и написал много. Но, должен сказать, различие между тем, что я делаю в прозе и поэзии, чисто формальное. И там, и там я в общем-то рассказываю о себе. И поэтому — какая разница, будет это стихотворение или исторический роман. Все равно: все мои персонажи — я.

— Вы упомянули исторический роман. У вас

их несколько. С чем связано ваше обращение к истории?

— Просто я в один прекрасный день заинтересовался русской историей. Но не так, как в школе или вузе, а по-настоящему, профессионально. Особенно первой половиной XIX века и событиями, связанными с влиянием Французской революции.

Потом кто-то назвал это все историческими фантазиями. Но я, действительно, не писал учебников истории или руководства для изучающих историю. Все факты там достоверные. А что касается так называемых фантазий — да, это мое присутствие, мое отношение к истории. И в той мере, в какой мы привыкли считать литературу исторической, мои романы такими назвать нельзя. Но, с другой стороны, «Война и мир» — исторический роман?

— И все-таки: то, что происходит в стране сегодня, вы не пытаетесь ни разу оценить?

— Что значит не пытаться? Я ведь человек сегодняшнего дня, этой страны. И меня обуревают желание выяснить, что, как и почему, понять путь движения, развития общества, может быть, предвидеть будущее. Мне всегда интересно было понять идеи, которые сегодня господствуют. Так что я никогда не уходил совсем от политики. Я просто не могу сегодня, засучив рукава, заниматься всем этим практически. Есть более опытные, знающие люди, которые, обуреваемые теми же страстями, могут принести гораздо больше пользы.

Вообще это очень сложный вопрос. О нем можно говорить очень долго. Все ведь имеет свои очень глубокие основания. Но дело не в том, какие проблемы решаются, а в том, как они решаются. Эти проблемы, в частности национальные, решались всегда, во всем мире, во все века. Но есть цивилизованные способы их решения, а есть варварские. Наше общество сегодня дикое. Так мы эти проблемы и решаем.

— Ваши книги издавались не только на Родине — много их вышло на Западе. Как складывались ваши взаимоотношения с властями?

— В целом здесь, в стране, у меня все-таки опубликовано больше, особенно в последнее время. Хотя, конечно, «Посев» меня печатал тогда, когда здесь совсем не печатали. Они выпустили моих книг десять, наверное. Хотя и двадцать лет назад что-то у меня выходило здесь. Но с трудом.

И не потому, что я был такой большой революционер и вся моя проза и поэзия были насыщены политикой. Просто я слишком внезапно свалился на голову тем людям, которые должны были решать вопросы культуры. Я был совершенно непривычен — вот что их больше всего волновало. Кто-то, неизвестный никому...

Ведь как люди обычно входят в литературу? Напечатал стишок, потом два — и постепенно стал известен. У меня ничего этого не было. Меня совершенно никто не знал. Были какие-то отдельные стихи, даже книжечка была, но она ничего собою не представляла. И никто не придавал этому никакого значения. До тех пор, пока не появились песни. В них же криминального было только то, что они молниеносно распространились по всей стране, что и навело ужас на призванных решать. Ведь процесс вырвался из-под их контроля, они не могли уже им управлять. Песни ведь стали распространяться в

течение месяца по всей стране. И начался шум. Всякие недомолвки, легенды появились. А тут еще автор — кто такой? То ли грузин, то ли еврей, с усиками какой-то. Говорит, что воевал. Говорят, что член партии. Но член партии с гитарой выходит и поет?! Потом шли годы. И постепенно ко мне привыкали. Когда же появился Солженицын, все увидели, что на его фоне меня вообще можно не бояться.

— А не хотелось ли вам хоть когда-то стать известным не только благодаря своим песням? Ведь у вас есть даже киносценарии.

— Что касается сценариев — тут вообще говорить не о чем, потому что я никакой не сценарист и не драматург. Это все было случайно в моей жизни. И известность появилась благодаря песням — они всегда доступны.

Но я никогда не обольщался по поводу своей популярности. Я всегда знал, что главные мои почитатели — не очень большой круг интеллигенции. А все остальные — просто люди любопытные. Ведь и сейчас многие знают фамилию да еще одну-две песенки. И прозу тоже знает определенный круг. Но о большем я мечтать и не могу. Другого и не должно быть.

— Вы часто бывали за границей. Никогда не возникало желания остаться?

— У меня всегда было желание поехать, посмотреть, пожить в другом мире. Однако мысль о том, что я никогда не смогу вернуться, всегда останавливала: я бы не смог не жить в Москве.

— И не боитесь повторения чего-нибудь августовского?

— Все может быть. Но я живу по формуле Лопе де Вега: «Пусть все течет само собой, а там посмотрим, что случится».

Вот в Америке застал меня этот путч, и в первую минуту, когда мне о нем сообщили, я с ужасом подумал, что теперь мне нельзя возвращаться. Слава Богу, все очень быстро кончилось. Конечно, все может быть. Но даже если путч повторится вновь, он — я уверен — будет кратковременным.

— Известно хрестоматийное, что поэт в России — больше, чем поэт. Как вы думаете, сможет ли у нас поэзия все-таки со временем преодолеть над политикой или политика поэзию окончательно задавит?

— Должен сказать, что меня совершенно не заботит и не волнует этот вопрос, потому что я прошел через шестидесятые годы и еще не забыл стотысячные толпы с битьем стекол, конной милицией и прочими атрибутами тех поэтических вечеров. Но я всегда знал, что в зале сидит только двести настоящих ценителей, а все остальные — люди случайные. Жаждающие узнать рецепт правды жизни. Ведь в те годы прессы ни о чем не говорила, и поэзия была единственным источником, где можно было что-то почерпнуть. Когда тот бум кончился, все занялись своими делами. А двести человек все равно остались. Так было всегда. И нынешний политический бум тоже пройдет. И опять появится интерес к поэзии и вообще к прекрасному. Может, не в такой же степени, но это уже другое дело. А те самые люди — те двести человек (ну, не двести — больше, я говорю об образе) — они и сегодня продолжают существовать и вдохновляют поэтов.

— Значит, вы все же верите, что все обрывается?

— Я в этом абсолютно убежден. Если говорить примитивно, мы должны перебеситься. Кто-то недавно хорошо сказал, что если лошади долгое время держать на привязи, а потом везуточку отпустить — лошадь сначала начинает взбрыкивать. Несется куда-то без оглядки, а потом останавливается и начинает щипать травку. И мы тоже все-таки остановимся.

— Только — с каким результатом? Не боитесь, что вы — и не только вы лично, а вообще писатели, поэты, вся наша творческая интеллигенция — окажетесь никому не нужны? Ведь наша своеобразная империя распадается, а распад империи, как правило, сопровождается в том числе и гибелью культуры.

— Гибель культуры происходит в течение очень длительного времени. Культура не может погибнуть в один день, оставив после себя пустоту, ибо она взаимозаменяема. И ни я, ни следующие поколения, думаю, не должны этого бояться. Конечно, литературные обстоятельства меняются, о чем очень хорошо сказал Сергей Чупринин в «Знамени».

— Только что пришло сообщение о присуждении вам Государственной премии СССР...

— Было бы хорошо эту премию получить лет 25 назад. А сегодня — даже непонятно, от какого государства.

— Не могу не спросить: давно не слышно ваших новых песен...

— Я уже лет шесть-семь никаких песен не пишу. Это не принципиальное решение, а просто так сложилось. Песни для меня всегда были хобби. Они никогда не были моей профессией, главным занятием. Я этим занимался с удовольствием, видя, что окружающим нравится, что меня, естественно, подогревало. Но кроме того, я сидел и писал стихи, прозу. А сейчас недавно взял в руки гитару — и ничего. Я думаю, что предназначенное мне я совершил. Сейчас вот сижу — пишу автобиографический роман. Хочется надеяться, что получится.

— То есть надеетесь, что роман заметят?

— Да нет. Дело в том, чтобы действительно получилось.

Беседовал Евгений ТИПИКИН.

Окуджава Б.

22.12.91

1991 (1591) 15 № 57